

В л а д и м и р М а я к о в с к и й

Ю Б И Л Е Й Н О Е

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.

Дайте руку!
Вот грудная клетка.
Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
в щенка смирённом львенке.
Я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
в моей
позорно легкомыслой головенке.
Я тащу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
Что нам
потерять
часок-другой?!
Будто бы вода —
давайте
мчать болтая,
будто бы весна —
свободно

и раскованно!
В небе вон
луна
такая молодая,
что ее
без спутников
и выпускать рискованно.
Я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.
Можно
убедиться,
что земля поката, —
сядь
на собственные ягодицы
и катись!
Нет,
не навяжусь в меланхолишке черной,
да и разговаривать не хочется
ни с кем.
Только
жабры рифм
топырит учащённо
у таких, как мы,
на поэтическом песке.
Вред — мечта,
и бесполезно грезить,
надо
весть
служебную нуду.
Но бывает —
жизнь
встает в другом разрезе,
и большое

понимаешь
через ерунду.

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.

Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой.

Например
вот это —
говорится или блеется?

Синемордое,
в оранжевых усах,
Навуходоносором
библейцем —

«Коопсах».
Дайте нам стаканы!
знаю
способ старый

в горе
дуть винище,
но смотрите —
из

выплывают
Red и White Star'ы
с ворохом
разнообразных виз.
Мне приятно с вами, —
рад,
что вы у столика.

Муза это
ловко
за язык вас тянет.

Как это

у вас
говаривала Ольга?..
Да не Ольга!
из письма
Онегина к Татьяне.
— Дескать,
муж у вас
дурак
и старый мерин,
я люблю вас,
будьте обязательно моя,
я сейчас же
утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я. —
Было всякое:
и под окном стояние,
письма,
тряски нервное желе.
Вот
когда
и горевать не в состоянии —
это,
Александр Сергеич,
много тяжелей.
Айда, Маяковский!
Маячь на юг!
Сердце
рифмами вымучь —
вот
и любви пришел каюк,
дорогой Владим Владимыч.
Нет,
не старость этому имя!
Тúшу
вперед стремя́,
я
с удовольствием
справлюсь с двоими,
а разозлить —
и с тремя.

Говорят —
я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н!
Entre nous...
 чтоб цензор не нацикал.
Передам вам —
 говорят —
 видали
даже
 двух
 влюбленных членов ВЦИКа.
Вот —
 пустили сплетню,
 тешат душу ею.
Александр Сергеич,
 да не слушайте ж вы их!
Может
 я
 один
 действительно жалею,
что сегодня
 нету вас в живых.
Мне
 при жизни
 с вами
 сговориться б надо.
Скоро вот
 и я
 умру
 и буду нем.
После смерти
 нам
 стоять почти что рядом:
вы на Пе,
 а я
 на эМ.
Кто меж нами?
 с кем велите зняться?!
Чересчур
 страна моя

поэтами нищá.
Между нами
— вот беда —
позатесался Нádсон.
Мы попросим,
чтоб его
куда-нибудь
на Ща!
А Некрасов
Коля,
сын покойного Алеши, —
он и в карты,
он и в стих,
и так
неплох на вид.
Знаете его?
вот он
мужик хороший.
Этот
нам компания —
пускай стоит.
Что ж о современниках?!
Не просчитались бы,
за вас
полсотни óтдав.
От зевоты
скулы
разворачивает аж!
Дорогойченко,
Герасимов,
Кириллов,
Родов —
какой
одноробразный пейзаж!
Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.

Раз слушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.
Мы крепки,
как спирт в полтавском штофе.
Ну, а что вот Безыменский?!
Так...
ничего...
морковный кофе.
Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.
Но ведь надо
заработать сколько!
Маленькая,
но семья.
Были б живы —
стали бы
по Лефу соредактор.
Я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— вот так-то, мол,
и так-то...
Вы б смогли —
у вас
хороший слог.
Я дал бы вам
жиркость
и сукна,

в рекламу б
 выдал
 гумских дам.
(Я даже
 ямбом подсюсюкнул,
чтоб только
 быть
 приятней вам.)
Вам теперь
 пришлось бы
 бросить ямб картавый.
Нынче
 наши перья —
 штык
 да зубья вил, —
битвы революций
 посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
 пограндиознее
 онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
 Старомозгий Плюшкин,
перышко держа,
 полезет
 с перержавленным.
— Тоже, мол,
 у лефов
 появился
 Пушкин.
Вот арап!
 а состязается —
 с Державиным...
Я люблю вас,
 но живого,
 а не мумию.
Навели
 хрестоматийный глянец.
Вы
 по-моему
 при жизни

— думаю —

тоже бушевали.

Африканец!

Сукин сын Дантес!

Великосветский шкода.

Мы б его спросили:

— А ваши *кто* родители?

Чем вы занимались

до 17-го года? —

Только этого Дантеса бы и видели.

Впрочем,

что ж болтанье!

Спиритизма вроде.

Так сказать,

невольник чести...

пулею сражен...

Их

и по сегодня

много ходит —

всяческих

охотников

до наших жен.

Хорошо у нас

в Стране советов.

Можно жить,

работать можно дружно.

Только вот

поэтов,

к сожаленью, нету —

впрочем, может,

это и не нужно.

Ну, пора:

рассвет

лучища выкалил.

Как бы

милиционер

разыскивать не стал.

На Тверском бульваре

очень к вам привыкли.

Ну, давайте,
подсажу
на пьедестал.

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.

Заложил бы
динамиту
— ну-ка,
дрызнь!

Ненавижу
всяческую мертвечину!

Обожаю
всяческую жизнь!

[1924]